

УДК 130.2

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПРОВОДНИК ПЕРВОСМЫСЛОВ НАУКИ И РЕЛИГИИ

© 2013 г.

Г.А. Каржина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

karzhina_ga@mail.ru

Поступила в редакцию 10.01.2013

Предложена современная интерпретация проблемы рациональности с учетом фундаментальных открытий науки последних лет, вероятностной парадигмы и диалога науки и религии.

Ключевые слова: рациональность, диалог науки и религии, трансформации науки, трансформации религии, вероятностная парадигма.

Экспоненциальное время, нелинейный мир, мощь и бессилие технологий не меняют смысл и существо этапов человеческой жизни. Трудно найти персону, безразличную к процессам возникновения новшеств в уме человеческом, преодоления незнания и обретения знания, постижению законов природы.

Существование рациональности как философской гносеологической проблемы в самых разнообразных контекстах и подходах связано с вопросами демаркации веры и знания, рационального и иррационального, временного и вечного, конечного и бесконечного. Развитие новых представлений происходит под влиянием многочисленных историко-культурных реалий и приводит к поляризации представлений – от защиты классической рациональности до полного отрицания рациональности и вытеснения её концептами абсурда, догматическими правилами или фанатизмом. Здравый смысл на этом фоне пытается, как и прежде, найти опору, принимая нечто в рациональном качестве через интуитивно обретенный смысл как соответствие некоторой высшей цели, как приближение к истине, правде, которую с подачи прагматизма трансформируем в пользу. Рациональное действие мы чаще всего понимаем как разумное и свободное по отношению к действию страстей. Не перестают быть востребованными платонический образ души, в котором ум (возничий) управляет непослушными страстями (лошадьми), и вопрос И. Канта «Что я могу знать?».

Рациональность как ключевая философская проблема соотносится с образом науки (как классической, так и неклассической), её возможностей на пути к общему благу и с религией, где статус разума и отношение к нему неодинаковы в разных конфессиях. Парадигмы

рациональности имеют непосредственное отношение ко многим сюжетам диалога науки и религии. И. Кант, определяя границы знания, привнес логику рациональности в нравственное доказательство бытия Бога. В то же время атеизм эпохи Просвещения также носил рациональный характер и способствовал взаимному отчуждению науки и религии, что особенно закрепилось в советской философии, так как сама рациональность не рождает первосмыслы, их появление в культурной среде – всегда инсайт, нечто возникающее свыше, но она оформляет и закрепляет первосмыслы в культуре.

Сюжеты постмодерна, глобализации и сопутствующих им трансформаций составляют тот современный фон, на котором проблемы рациональности и диалога науки и религии требуют переосмысления и который задает «нерв дискуссии». Прогнозы знаменитых философов по поводу «шизомассы» [1], философствования Леди Гага [2] и пр. – образные и пугающие – придают сюжетам о рациональности кодовый смысл. В широком диапазоне точек зрения присутствуют аллегорические метафоры о «распаде и любви к смерти», о «совершеннолетию человечества», осуществляющего своё перерождение через создание новых объединений личностей, фанатичное отрицание тоталитаризма и всеединства, иррациональный оптимизм и скепсис на фоне прогнозируемого методами системной динамики проблемного будущего цивилизации. Наши известные, популярные философы (Дугин [1], Кургинян [3], Кутырев [4]) видят в постмодерне проявление системного гносеологического, мировоззренческого, социального и т.д. кризиса. В других работах, особенно в зарубежной англоязычной литературе, чаще звучит уверенность в статусе постмодерна как среды,

превосходящей прежние своей интеллектуальностью и разнообразием. При таком подходе иррациональность постмодерна рассматривается как инновационная, творческая, саморазвивающаяся составляющая культуры, а рациональность признаётся пережитком прошлого.

Попытаемся рассмотреть некоторые процессы, связанные с возможностями диалога науки и религии, которые, с нашей точки зрения, открывают новые свойства рациональности как особой культурной среды, особого пространства, проводника, способного транслировать алгоритмы науки и религии в человеческую деятельность, определяя цели и пути. Эта позиция нашла своё отражение в наших предыдущих публикациях [5; 6].

На самом деле наука как таковой, как и религии как таковой, не существует. В реальности мы сталкиваемся с многообразием религий и множеством научных дисциплин, за которыми стоят научные и религиозные сообщества со своими писаными и неписаными правилами. Междисциплинарный диалог в самой науке становится все более затруднительным в силу углубляющейся специализации. Нетрудно предвидеть, что такая ситуация не может быть устойчивой, так как масштабные проблемы привлекают профессионалов из разных областей и с неизбежностью обрастают метафизической составляющей. Самые новые открытия, широко обсуждаемые как в СМИ, так и в научных изданиях (обнаружение необычных бактерий в арктическом озере Восток, возможно неземного происхождения, данные марсохода «Кьюриосити»), вновь всколыхнули и профессиональные дискуссии, и домашние разговоры о происхождении земной жизни, о распространённости жизни в Солнечной системе и за её пределами, о сущности жизни как таковой. Челябинский метеорит (а метеориты на Руси почитали за «Христовы камни», приносящие весть от Бога) напомнил о Тунгусском событии и приблизил к каждому человеку космос с его загадками, позволил, пусть недолго, переживать ощущение малости и уязвимости земной жизни и условности политических, экономических и военных противостояний. Подобные события происходили и будут происходить, вторгаясь в культурную среду сюжетами, требующими объединения и универсализации знаний и принципов, возрождая потребность метафизического и гносеологического единства; они обуславливают преодоление кризиса рациональности, так как рождаются новые парадигмы, рассматриваемые под углом зрения науки, ведущей диалог с религией, и религии, ведущей диалог с наукой.

И наука, и религия сегодня оказываются в поле действия сил противоположного качества. Вызовы и настроения массового общества стимулируют дивергенцию смыслов, вызовы Земли и Космоса, искания гениев способствуют обретению единства истины. Сложилась и продолжают расширяться подходы, основанные на выявлении социальной обусловленности рациональности; определенный уклон сформировался под влиянием медиасреды, что вывело в фокус проблемы коммуникативные аспекты рациональности. В философской литературе обозначилась линия ухода от чистой гносеологии к социальным, коммуникативным и культурологическим предпосылкам рациональности. Можно отметить также широкое разнообразие концепций и трактовок, основанных на гипертрофии субъективного начала, как, например, «радикальный субъект» или «гносеологический рэссизм» [1]. Философы констатируют глубокий кризис «рацио», фиксируют трансформации рациональности, становление постнеклассической парадигмы в познании, появление множества дискурсов и определений рациональности, например пластичной рациональности [7]. Превеличение социального и субъективного начала в восприятии познавательных ситуаций создаёт иллюзию полной подчинённости научной и религиозной деятельности управленческим алгоритмам «мира сего» и, следовательно, предполагает возможность манипулировать целями и смыслами. Критики постмодерна напуганы такой перспективой и видят защиту рациональности только с позиций консерватизма.

Отметим, что постмодерн меняет процессы в науке и религии двойственным образом. С одной стороны, эти перемены разрушают базовые ценности научного и религиозного познания, с другой, соответственно второму смыслу понятия кризис (поворотный пункт), они действительно предоставляют новые возможности.

Либеральные трансформации европейской культуры отражаются в дискуссиях об обновлении христианства. Показательна активно популяризуемая точка зрения о Новом веке как преодолении кризиса постхристианской цивилизации. Движение Нью Эйдж (New Age – новый век, новая эра) [8] совершенно не похоже ни на традиционные религиозные конфессии, ни на известные сектантские структуры. Исследователи считают, что у него нет организационной и управленческой составляющей, нет оформленных идей, догматов, отсутствует система культа и специфическая терминология. Главный мировоззренческий ориентир – признание наступления новой постхристианской эры, эры Водолея.

Данное социальное явление развивается как открытая информационная мультikonфессиональная, деструктурированная система. Однако догматическая и организационная деструктурированность течения делает его открытым принципам холизма, синергии, нелинейности, которые уже получают научное обоснование, но ещё не вошли в строгие теории и не включены в предметную область диалога науки и религии.

В религиозном дискурсе постмодерна преобладает позиция обновленного деизма, распространённого в протестантской среде и радикальной протестантской теологии. Создаётся трансформированная религия с выхолащенными культовыми, мировоззренческими и гносеологическими аспектами. Она все больше уходит в плоскость этических идей и поведенческих аспектов. Перечисленные дискурсы трансформированной религиозности элиминируют из религии те вопросы, которые и составляют смысл диалога с наукой. Все же представляется, что это временное явление, связанное с сосредоточенностью новых форм религиозности на масштабах человеческой культуры последних веков. И, что, возможно, закономерно, эти дискурсы имеют ту же природу десистематизации и радикализации, которая проявляется в трансформациях науки.

Трансформации науки, научной деятельности происходит под действием Hi-Tech, усиления роли инструментальности. Наука XX и XXI века, необычно развившая инструментальную составляющую, сформировала новую приборную базу, которая, как казалось, в корне меняет характер научной деятельности.

Другой фактор – экономический, или финансовый. Наука постмодерна все в большей степени ориентируется на бизнес, такова природа инноваций, а под их влиянием всё больше доминирует прикладной аспект. Создаётся опасная дистанция между процессом производства новых знаний и извлечением прибыли при применении новых технологий, которым в свою очередь предшествуют технологические знания. «Налицо противоречие между решающим значением новых знаний для развития общества и «экономической невыгодностью» затрат на их получение» [9]. Расширение финансовой составляющей научной деятельности привело к конкуренции и борьбе за финансовые потоки, на фоне которых появились многочисленные издержки.

Трансформации постмодерна создают кризисную онтологическую и гносеологическую ситуацию для науки и религии. Проявляется тенденция выхолащивания из научного и рели-

гиозного пространства фундаментальных мировоззренческих смыслов. Для религии эта ситуация ведёт к утрате онтологических смыслов, на которых держатся догматы и система культа. Для науки кризис разворачивается в сторону размывания главной функции производства нового знания.

Однако сама жизнь неожиданными событиями, потрясениями и катастрофами восстанавливает утраченные смыслы и функции. Она ставит перед наукой и религией вопросы онтологического и гносеологического характера. Пытаясь понять, как разнородные данные соотносятся друг с другом в рамках некоей согласованной или несогласованной системы, исследователи оказываются в мировоззренческой плоскости. Всегда есть разные трактовки и, как правило, не существует каких-либо окончательных доказательств. Рассмотрим для примера гносеологические сюжеты, связанные с исследованием космоса: вещество в космосе, жизнь в космосе, эволюция космических тел и многое другое. Когда советские исследователи в процессе реализации проекта Вега, обнаружили органические соединения в хвосте кометы Галлея, это было воспринято как сенсация. Органический синтез, как считалось ранее, адаптирован лишь к земным условиям, углерод-углеродные связи в космосе не реализуются; тем не менее органика в космосе была обнаружена, что привело к резкому возрастанию интереса к вопросам происхождения жизни на Земле и существования неземных форм жизни.

За последние десятилетия в науке были реализованы большие междисциплинарные программы: исследование человеческого генома, составление генетического портрета народов и этносов, запуск аппаратов на Марс. Они имеют свои мировоззренческие последствия. Для ответа на такие фундаментальные вопросы, как происхождение жизни, происхождение Вселенной, происхождение и эволюция вещества, нужна определенная ситуация в культуре, в обществе, настрой на любопытство и познание. Космические угрозы, связанные с падением астероида или другого космического тела, обозначают масштаб рисков цивилизации. И конечно, в мелькании событий повседневного уровня нужны выделенные «неподвижные ориентиры» (так, балерина, исполняющая фуэте, «опирается» взглядом на выбранную неподвижную точку). Такие ориентиры дает религия, и она тем лучше выполняет эту миссию, чем меньше в ней трансформаций и нововведений и чем большее количество сторонников она имеет. Поэтому для диалога больше подходят традиционные христиан-

ские религии, такие как православие и католичество. В английском языке есть термины «Belief» и «Thaith». Они выражают степень религиозности веры. В русском языке существует одно слово, но оно явно и неявно соотносится с образом наивысшего абстрактного общего, со знанием наивысшего обобщения, наивысшей логической свертки. В этом смысле вера и знание едины. Описание такого единства возможно аксиоматически и асимптотически. Подобно тому как естественные науки все более детализируют и масштабируют описание объектов исследования, философия, создавая концепты, примеряет их друг к другу, выстраивая множественный дискурс, религия организует интеллектуальную среду, в которой реализуется вероятностная парадигма познания.

Неклассическая рациональность несёт в себе вероятностные принципы, пробабиллизм, но они, как мы постараемся показать, не противоречат основам религиозного опыта. Если рассмотреть гносеологические сюжеты из современной химии, можно сразу увидеть открытия, вписывающиеся в соответствующий образ. Вероятностная парадигма в органическом синтезе, как и в других областях химии, проявилась в многочисленных «пробованиях» возможных реакций. Эти экспериментальные «пробования» выступают как стохастизация исследования, которая и приближает к знанию о природе вещей. Так появилась элементарноорганическая химия. Эксперименты в этой области проходили как попытки вовлечения разных элементов Периодической системы в органические соединения и выявления их новых свойств. Такие эксперименты не были обусловлены теориями, напротив, опровергали убеждение о дихотомичности органических и неорганических веществ. Первое соединение, содержащее кремний и углерод, – этиловый эфир ортокремневой кислоты – было получено французским ученым Эбельменом в 1844 г. В начале развития химии кремнийорганических соединений кремний, как ближайший аналог углерода, привлекал большое внимание исследователей. Казалось, что на основе кремния можно создать столь же широкую область химической науки, как органическая химия. Этого не получилось, так как выяснилось, что цепи из атомов кремния несравнимы по стабильности с углеродными цепями. Но эксперименты продолжались, и кремний стал первым элементом, использованным К.А. Андриановым (1937 г.), а чуть позже М.М. Котоном (1939 г.) для построения неорганических главных цепей больших молекул, состоящих из чередующихся атомов кремния и кислорода и обрамленных

органическими радикалами. Появился новый класс кремнийорганических полимеров, известный теперь под названием полиорганосилоксанов, силоксанов или силиконов, практическая значимость которых огромна. Показателен и другой пример – с сульфамидами. Первоначально химики не ждали от этих соединений интересных открытий, их исследование шло от случая к случаю. Обнаруженный лечебный эффект повлиял на бурное развитие синтеза этого типа соединений, сейчас получено несколько тысяч новых сульфамидных препаратов, а органическим производным фосфора нашлось применение в разнообразных сферах народного хозяйства, которые в настоящее время быстро развиваются. Наука идет по пути увеличения масштаба «пробований» и переходит от прикладного к фундаментальному и наоборот! Два аспекта научной деятельности оказываются неразрывными. Можно подытожить, что в химии сформировалась «парадигма пробований»; но не будем забывать, что пробуют умные люди, имеющие знание, мастерство, приборы!!! Это дорого, и, возможно, в том числе из потребностей экономии интенсивно развивается компьютерная химия, и снова можно видеть, как прикладные факторы стимулируют развитие фундаментальных. Процедура химического опыта сохраняет элементы иррациональности: что «сварит один органик», не сварит другой, один исследователь получит тонкие и прозрачные пленки из новых соединений, другой, казалось бы, в тех же условиях, не сможет этого сделать. И дело не только в виртуозности, воспроизводимости анализа и синтеза (что, конечно, не отменяется), а в так называемом «know how», которое не выводится из имеющейся наличности знаний и пока не объяснимо. У компьютерщиков есть выражение «танцы с бубнами», когда они, следуя скорее чутью, интуиции и везению, чем конкретным знаниям, решают проблему. Так осуществляется путь познания природы.

Классическая рациональность апеллировала к единству знаний и подразумеваемому под ним субстанциональному единству мира. В науке этому способствовал механический детерминизм, распространявшийся от астрономии до биологии. Попытки объяснить целое через часть на пути редукционизма неоднократно сменялись попытками объяснить части через целое в системном подходе. В современном естествознании эти тенденции вылились, соответственно, в господствующую идеологию дарвинизма с молекулярной генетикой как её острием и в геосферно-биосферную систему взглядов, призванную выяснить возможности

устойчивого развития. Развитие системной динамики, учения о биосфере, идеи великих русских учёных Виноградского и Вернадского дают возможность научного обоснования принципов холизма. Новая рациональность «нова» с точки зрения принципов восприятия единства знания и единства истины и «старая» с точки зрения определения её сути.

В религиозной картине мира парадигмы постмодерна позволяют видеть совокупность коммуникативных действий или событий, направленных на передачу, сохранение и развитие религиозных представлений. Религиозная вера регламентирует отношения между человеком, природой, сверхъестественным миром, создавая иерархическую основу для приобретения знаний о мире, поэтому границы религиозного дискурса неклассической рациональности относительно и мягко соприкасаются с научным дискурсом. Новые ёмкие понятия постмодерна содержат общенаучный и мировоззренческий потенциал, который приобретает дальнейшее наполнение в процессе диалога науки и религии. Ризома как способ конструирования реальности, пришла из биологии, но и похожие феномены изучаются и в физике, и в химии, где складываются предпосылки для обнаружения, выделения некоторой потоковой сущности, которая аккумулирует и перераспределяет энергию потока, создаёт в пространстве каналы для перемещения массы вещества. То, как ударяет молния, как скатывается капля, как идет цепная реакция, – все это модели нелинейности, соотносящейся с ризоморфными средами. Популярность этого понятия может рассматриваться как интуитивно творческое, подспудное признание силы, агента, обосновавшегося в пространстве и опосредующего появление отдельных множественных сущностей. Если ризома материальна, то она материальна иначе, чем тело. Но она и не идеальна. Ризома нелинейна. Ризома наполнена энергией. Ризома как интенционал вне материального и идеального, она функциональна.

Химия создала уникальные полимеры, которые стали одной из главных причин загрязнения окружающей среды, и сегодня уже развивается парадигма «зеленой химии». Супрамолекулярная химия подчеркнула роль кластеров, разнообразие связей, привела к расширению представлений о разнообразии иерархии частиц вещества. Сформировался системно-биосферный подход, который определил развитие таких новых междисциплинарных направлений, как биогеоэкология. Появились публикации об устойчивости биосферы, все больше приверженцев находится

у концепции Геи-организма английского ученого Дж. Лавлокка.

Мы имеем дело с новой гносеологической ситуацией обретения рациональности под влиянием развития естественных наук. Новая тенденция ориентирована на органичное восстановление и развитие системообразующих принципов рациональности и может использовать возможности диалога науки и религии. Наука, развивая идеи системности, холизма, нелинейности позволяет подозревать внешнее по отношению к наблюдаемым элементам начало и, определенным образом, указывает на трансцендентное, а религия в своей ортодоксальной форме дает почву для рационального определения предмета науки и цели научного познания. Рациональность через религию формируется как отрицание экстремизма, обретение доверия, как осмысление и приятие целесообразности, которую видит и наука как стохастическое приближение к оптимальному решению. Новая тенденция основана на распространении знаний и вере в человеческую способность понимать и действовать.

Список литературы

1. Дугин А.Г. Постфилософия. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=IsV-HZ3vVIk> (дата обращения: 23.03.2013).
2. Максутов И. Леди Гага стала философом. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=D9tPr6ODKzc> (дата обращения: 23.03.2013).
3. Кургиян С.Е. Дискуссия о постмодернизме на ТВ. – Режим доступа: <http://kurg.rtcomm.ru/publ.shtml?cmd=art&theme=10&auth=&id=2200> (дата обращения: 23.03.2013).
4. Кутырёв В.А. Наша цивилизация в эпоху трансмодерна // *Философия и культура*. 2011. № 12. С. 10–19.
5. Каржина Г.А. Концепты духовного в современной картине мира // *Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2010. № 3. (19). С. 135–140.
6. Каржина Г.А. Дискурс будущего в диалоге науки и религии // *Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2011. № 3. (23). С. 72–75.
7. Зеленков А.И. Синергетический стиль мышления и перспективы пластичной рациональности // *Философия и социальные науки: Научный журнал*. 2010. № 1. С. 30–36.
8. Григорьева Л.И. Религии «Нового века» и современное государство : (Соц.-филос. очерк) : Монография / Григорьева Л. И.; СибГТУ, 2002. 399 с.
9. Некипелов А.Д. Научно-технологическое обеспечение материально-технического развития // *Вестник Российской академии наук*. 2009. Т. 79. № 3. С. 198–202.

**RATIONALITY AS UNIVERSAL CONDUCTOR OF THE PRIMARY MEANINGS
OF THE SCIENCES AND THE RELIGIONS**

G.A. Karzhina

In the article, modern interpretation of the problem of rationality with the account of fundamental opening of science of the last years, a probabilistic paradigm and science and religion dialogue is realised.

Keywords: the rationality, the science-religion dialogue, science transformations, religion transformations, a probabilistic paradigm.